

ISSN 0236-2007

# ЧЕЛОВЕК

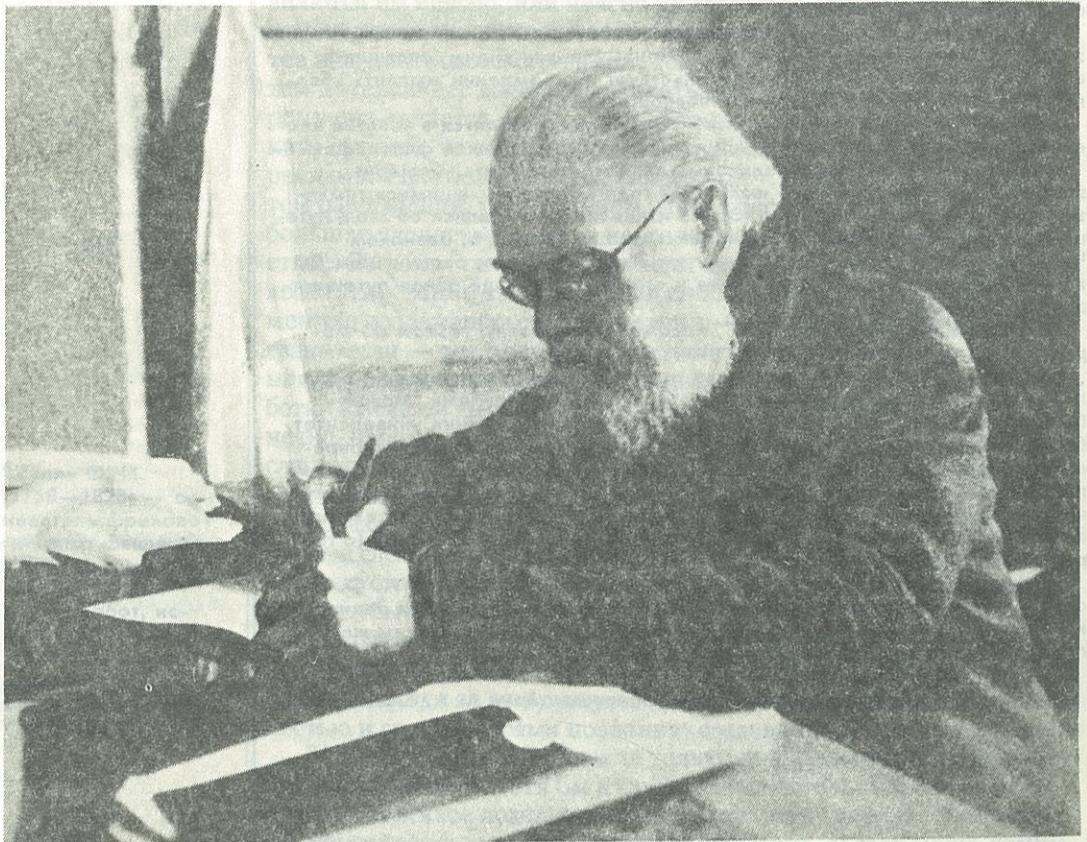
## 4 · 1995



**ВСПОМИНАЯ ОБ  
УШЕДШЕМ**

Окончание. Начало  
см. Человек. 1995.  
№ 3.

В. Ф. Войно-Ясенецкий за работой



## РАЗМЫЩЛЕНИЯ О В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОМ — ХИРУРГЕ И СВЯЩЕННИКЕ

*И. Кассирский*

Став священником, Войно-Ясенецкий постоянно носил рясу, в предоперационной повесил икону, перед операцией спрашивал у ассистентов о больном — православный ли, христианин? И в случае положительного ответа крестил пациента, затем сам крестился перед иконой и лишь после этого торжественно произносил: «Скальпель!».

Приняв сан, Войно-Ясенецкий тем самым встал в оппозицию советской власти. Перед администрацией университета, медицинского факуль-

тета, партийными и советскими органами встал вопрос: как поступить с новоявленным «протопопом Аввакумом»<sup>1</sup>, одновременно являвшимся профессором вуза, воспитателем советской молодежи и крупным хирургом, пользующимся безукоризненной репутацией замечательного врача?

Университетские и факультетские организации позволяли себе несправедливость в отношении детей Валентина Феликовича, но секретарь Среднеазиатского бюро ЦК партии К. Я. Бауман, очевидно, неоднократно получавший докладные от администрации медицинского факультета, часто спрашивал меня — лечащего врача его семьи и его самого, — достойные ли дети у Войно-Ясенецкого? — на что я отвечал с чистой совестью, что, конечно же, достойные ребята. Они отлично учатся, хорошо рисуют, дисциплинированные. Бауман тут же просил своего помощника позвонить декану медицинского факультета, чтобы оставили детей Войно-Ясенецкого в покое.

Деканом медицинского факультета Туркестанского университета, открытого в 1921 г., был известный хирург, заведующий кафедрой факультетской хирургии профессор П. П. Ситковский, но не он организовывал травлю детей Войно-Ясенецкого. П. П. Ситковский появился в нашем повествовании вот почему.

Он был представителем московской дореволюционной профессуры, человеком с академическим воспитанием. Это накладывало на его облик и внешнее поведение отпечаток суровости, замкнутости и даже некоего высокомерия, что, конечно, приводило к психологической несовместимости с некоторыми сотрудниками. Вокруг П. П. Ситковского сгустились тучи.

Шел 1921 год. В Туркестане полыхает гражданская война, образовалася так называемый Бухарский фронт — оттуда в хирургические клиники в больших количествах поступали раненые, а между тем питания, перевязочного материала и многоного другого не хватало. В городе создались тяжелые санитарные условия — свирепствовали сыпняк, возвратный и брюшной тиф, дизентерия; невероятное количество мух заполняли лечебные учреждения. Это напоминало картину, которую я наблюдал в 1916 г., когда на каникулах студентом работал на амбулаторном хирургическом приеме в Фергане. Гнойные раны узбеков, приезжавших из кишлаков, были запущены неописуемо, у каждого третьего больного в ране копошились черви (личинки мух). Подобная картина наблюдалась и у раненых, с большим опозданием поступавших в клиники и больницы Ташкента. Естественно, было много жалоб и обвинений в адрес врачей во вредительстве. Появились комиссии, занявшись расследованием, в результате П. П. Ситковский и еще несколько врачей были арестованы и вскоре начался показательный процесс.

Обвинителем по этому процессу выступал прибывший из Москвы один из заместителей Ф. Э. Дзержинского — Петерс, человек жестокий и горячий.

Я был на нескольких заседаниях суда. Петерс выступал резко и суро-во. В суде участвовали также свидетели, эксперты.

И вот на одном из заседаний суда поднялась высокая фигура профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого. Он взял слово в качестве привлеченного к судебному процессу эксперта. Говорил он спокойно, как церковный проповедник (кстати, он был в рясе), логично и убедительно. Весь зал превратился в одно внимание. Внизу, у стола судей (процесс проходил в аудитории, скамьи в которой были расположены амфитеатром), вперив в Войно-Ясенецкого свой острый взгляд, стоял в военной форме цвета хаки Петерс и внимательно слушал.

Я не помню деталей речи Войно-Ясенецкого, но смысл ее сводился к следующему. Надо признать, понять, объяснить, как произошло то, что инкриминируется в вину подсудимым. Я выступаю, заявил Валентин Феликович, не как защитник, а как глашатай разума и совести. Уважаемые товарищи: подумайте, разве может врач вредить больному человеку, тем более раненному на поле брани воину! Врач воспитан на гуманных нача-

**И. Кассирский**  
Размышления о  
В. Ф. Войно-  
Ясенецком

<sup>1</sup> Так в тексте. С протопопом Аввакумом В. Ф. сравнивали отнюдь не за многогранность его деятельности, а за стойкость в вере несмотря на все гонения — тюрьмы, северные лагеря и ссылки.— Ред.



## ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ



лах мировой медицины. Поэтому я гневно отвожу обвинения врачей во вредительском пренебрежении своим долгом.

Второе, что хочу сказать: внимите зову разума, посмотрите, какие кругом разрушения, бедность, нет перевязочного материала, медикаментов... Я много лет работал в земстве, и тогда, не в условиях революции, разрухи, а в мирных условиях было то же самое — не хватало перевязочного материала, больных привозили с опозданием, и у них в ранах среди зловонного гноя и омертвевшей ткани копошились черви. Обо всем этом можно только сожалеть, но не обвинять невинных людей. Я призываю вас, товарищи судьи, сострадать к больным и к тем, кто, угнетаясь душевно, не мог им помочь в полной мере в силу обстоятельств. Если же вы не послужите правде и не будете милосердны, вас покарает суд божий и голос совести.

Войно-Ясенецкий явно превысил права эксперта, превратив свое выступление в своего рода контрнаступление против обвинителей. На неоднократные попытки председателя и самого Петерса его прервать следовал ответ в том смысле, что если, мол, вы вызвали меня как эксперта, то и слушайте меня как врача, хирурга и профессора.

Настроение аудитории было настолько явно на стороне Войно-Ясенецкого, что он высказал все, что хотел, несомненно, аудиторию покорив. Возможно, что это настроение присутствующих, в основном рабочих, оказалось воздействие на некоторых судей. Однако в конечном итоге выступление Войно-Ясенецкого, как и объяснения подсудимых, не помогли. Врачам были вынесены суровые приговоры (П. П. Ситковский получил самое тяжкое<sup>2</sup> наказание — 15 лет). Правда, процесс, как и многие другие в то время, носил лишь устрашательный — условно-показательный характер. Уже через несколько недель врачей отпустили работать.

\* \* \*

В самой сердцевине одного из зданий медицинского факультета Туркестанского университета находилась кафедра топографической анатомии и оперативной хирургии, которой заведовал Валентин Феликович Войно-Ясенецкий. Она была расположена всего в трех комнатах, которые зимой не отапливались, холод усиливался еще и потому, что полы в них были асфальтовыми. Подлинным украшением скучно оборудованной кафедры была целая коллекция прекрасных цветных рисунков по топографической анатомии, сделанных трудолюбивой рукой профессора.

Начало учебного года. Клинический парк с его аллеями и полянами заполнялись молодой порослью — студентами, но после палящего сорокаградусного лета природа не радует глаз — от выжженной травы и поблекших, покрытых пылью листьев веет какой-то грустью. Однако в аудиториях, клиниках, лабораториях всюду гомон голосов, бурлит жизнь.

Я перехожу поляну и вхожу в здание. Поворот направо — и передо мной аудитория, где читает лекцию профессор Войно-Ясенецкий. Он входит неслышными шагами... Мне показалось, что он вырос над кафедрой раньше, чем вошел — огромный, монументальный, с благородно-держаными манерами. Всякий раз, когда я его встречал, говорил с ним, — подпадал под его обаяние, от которого не освободился и сегодня, спустя полвека.

Встречалася его с благоговейным трепетом и аудитория. Внешне спокойный, читавший лекции тихим, несколько глуховатым голосом тенорового тембра, он сразу овладевал слушателями, они оказывались во власти его магической плавной, увереной речи. Из сотен глаз студентов не иссякало — в течение всей лекции — струилось глубокое уважение к профессору, интерес к его науке, в которой он так мастерски, иллюстрируя запоминающимися яркими примерами, связывал анатомию с клинической хирургией. В манере его преподавания и, вообще, выступлений на

<sup>2</sup> по тем временам. — Ред.

научных заседаниях внешне не было ничего эмоционального, но все, о чем он говорил, убеждало фундаментальностью и фактическим материалом.

Удивительное дело: верующий в сверхъестественное, в бога священник в науке чрезвычайно строго обращался с фактами, он любил при описании хирургической анатомии делать экскурсы к своей богатой клинической практике, иллюстрировал сообщенное на лекции таблицами и рисунками, с помощью которых объяснял тонкости анатомического строения и соотношения органов и тканей человеческого тела. Память его и точные знания в этой области не могут сравняться со знанием многих клинических хирургов, которые порою пренебрегают анатомическими деталями при производстве операций. Они оперируют, как принято говорить, *ad oculis* («на глаз»): попадая на пути скальпеля артерия — ее повреждают и т. д. Войно-Ясенецкий же предвидит мельчайшие сосуды, нервы во время операции.

Интересный факт: обычно профессора, преподающие топографическую (т. е. хирургическую) анатомию и отлично ее знающие, плохо оперируют и обычно вообще не имеют дела с больными. Войно-Ясенецкий не страдал этим недостатком — он «царствовал» одинаково прекрасно в обеих областях — и в анатомии, и в клинической хирургии.

Вообще, меня он более всего поражал контрастами преображения: входил на кафедру или в клинику в рясе, величественный и строгий, но тут же снимал ее и оставался в традиционном жилете хирургов, поверх которого надевал халат. В халате он читал лекции. Читая ее, берет в руки сначала белый мелок, затем синий, красный и с мастерством художника рисует на доске по ходу лекции. Аудитория всегда чувствует, что лектор обладает широкими, поистине энциклопедическими знаниями.

Войно-Ясенецкий был, несомненно, выдающимся человеком, замечательным врачом-клиницистом, он всю жизнь провел на волне постоянно-го врачебного творчества и, если можно так сказать, — хирургического вдохновения. И все это базировалось на фундаменте науки.

Я видел его у операционного стола. Он оперировал без какой-либо нервозности. Ощущал спокойный, ровный ритм работы его пальцев, нежно и в то же время властно управляющих движением скальпеля в живой ткани. Один музыкальный критик об исполнении В. В. Софоницким Шопена как-то сказал: «Ни пылинки». Это можно сказать и об «исполнительском» искусстве хирурга Войно-Ясенецкого.

Поражал широкий размах его оперативного умения. Он не терялся ни перед какой новой или случайной операцией, находил нестандартное решение в ходе операции. В этом помогало доскональное знание о той области человеческого тела, в которой уверенно хозяйствует его скальпель. Внимательно следят за движением его рук помощники. Операция проходит в тишине, спокойно; внешне кажется, что хирург проводит свою сложную работу без всякого напряжения. Лишь иногда раздается его предупреждающий голос: «Сейчас под этой фасцией сосуд (следует название), зажмите...». Это его профилактическое «зажмите» приводит к тому, что операции его удивительно бескровны... Острым взглядом сощуренных глаз через очки в простой стальной оправе он видит и настигает любой сосуд, любую, известную ему по топографии, лимфатическую железу и удаляет ее... Здесь ничего нельзя пропустить, оставить: у больной рак грудной железы...

Его операции производили всегда впечатление скорее праздника хирургического искусства, строгой симфонии, чем драмы... И он держался, как держится дирижер.

Во всем — убежденность и уверенность. И ясное понимание хирургической обстановки.

Один из многолетних помощников Валентина Феликовича вспоминает: Войно-Ясенецкий был весьма эмоционален, но внешне это не проявлялось, владел собой он в совершенстве. Во время операции никогда не по-

И. Кассирский  
Размышления о  
В. Ф. Войно-  
Ясенецком

◆◆◆◆◆

## ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ

◆◆◆◆◆

казывал своего волнения; даже в весьма опасных моментах быстро принимал смелые и верные решения и методически их выполнял.

Будучи земским врачом и не имея руководителей и учителей, а, главное, будучи очень способным и целеустремленным, Войно-Ясенецкий сам добился всего, чего достиг — может быть, этим можно объяснить то, что он мало занимался своими сотрудниками, не опекал их: учил собственным примером. В общении с людьми не терпел никакой фальши, никогда не скрывал своих промахов и ошибок; он внушал студентам и коллегам, что на ошибках — своих и чужих — надо учиться. Был непреклонен в соблюдении рабочей дисциплины и порядка — важнейших условий хирургической работы. Никогда не повышал голоса и тем более никого не оскорблял. Но замечания делал таким тоном (причем всегда справедливо), что это запоминалось на всю жизнь. Не был придирчив, однако требователен, соблюдая тактичность в общении с подчиненными.

Я должен подчеркнуть еще одну важную черту, характеризующую Войно-Ясенецкого как человека широких взглядов. Являясь весьма влиятельным представителем Православной Церкви, Валентин Феликович никогда не проявлял националистических чувств к людям другой национальности, среди его ближайших помощников и добрых знакомых были и евреи. Такое же терпимое отношение со стороны Войно-Ясенецкого было и к атеистам.

Показательен следующий эпизод. Войно-Ясенецкий попросил одного из своих сотрудников — еврея и к тому же атеиста — обследовать двух священников, но так как у Валентина Феликовича до осмотра была с ними серьезная беседа, то он попросил его подождать и дал ему брошюру с описанием жизни Франциска Ассизского — основателя известного монашеского ордена, отметив несколько мест в тексте, а затем поинтересовался впечатлением от прочитанного. Сотрудник ответил, что не принимает идеи рабской покорности судьбе средневекового католического монаха, на что Войно-Ясенецкий заметил, что тот ничего не понял.

Разумеется, этот эпизод на их отношениях не отразился.

Валентин Феликович был кристально честным человеком, совершенно бескорыстным, не брал с больных денег, когда лечил их вне больницы. Вел очень скромный образ жизни, ни в чем не позволял себе излишеств. Вряд ли он когда-нибудь отдыхал на курорте.

\* \* \*

Войно-Ясенецкий был чрезвычайно принципиальным, никогда не поступался своими взглядами. Вот одно из свидетельств сказанного.

На заседании медицинского общества Войно-Ясенецкий продемонстрировал двух девочек лет 12—14 с анкилозоконкрустальным процессом в коленных суставах, который приводит к неподвижности. Он сообщил, что собирается оперировать больных по разработанному им самим методу. На следующем заседании общества Войно-Ясенецкий снова показал своих пациенток и рассказал о первом этапе операции, обещав, что в следующий раз доложит об окончательных результатах лечения. Однако больше Войно-Ясенецкий ничего не сообщал об этом случае.

Что же произошло?

Оказывается, по распоряжению вновь назначенного и. о. наркома здравоохранения Туркестана Гельфгота из операционного блока удалили икону. У коллег Войно-Ясенецкого его несколько экстравагантное поведение по выполнению некоторых религиозных ритуалов удивление с течением времени уже не вызывало, но у представителей власти, которая в эти годы объявила борьбу с религией, подобное поведение профессора советского вуза стало вызывать раздражение; неудивительно, что новый нарком не желал считаться с «причудами» Войно-Ясенецкого. Конечно, в этом, в общем, трагикомическом эпизоде необходимо было найти тактический выход, не оскорбляя религиозные чувства верующего профессора. Но

как часто в конфликтных ситуациях мы забываем о людях, что особенно характерно для начальников!

Назначение наркомом здравоохранения Гельфгота было непродуманным шагом. Его вскоре сняли с работы и даже исключили из партии, но, конечно, не за эпизод с Войно-Ясенецким. Австрийский военнопленный, студент-медик 3-го курса, человек авантюрного склада (о нем сами военнопленные отзывались очень плохо), затесавшийся в партию, — он решил делать административную карьеру в области здравоохранения в нашей<sup>3</sup> республике.

Медиков, желавших заниматься административной деятельностью, в то время не хватало, тем более партийных, он это понял и быстро стал пробиваться на вершину власти. Его поведение, безнравственное в личном отношении, оставляло желать лучшего, — и вот нашла коса на камень. Войно-Ясенецкий, не склонный к компромиссам с совестью, столкнулся с одиозной фигурой наркома, его фамилия — Гельфгот в переводе с немецкого означает «помогай бог», — так вот, человек с подобной «божественной» фамилией оказался яростным врагом Церкви и ее пасти, желающего с божьей помощью приносить людям добро и исцеление от недугов — телесных и душевных...

Переубедить Гельфгота никто не мог. Он не слушал советов. Шла скрытая борьба... Но, в конечном итоге, коллеги Войно-Ясенецкого вместе с главным врачом больницы Иосифом Григорьевичем Фридманом — человеком мудрым и не лишенным юмора, нашли выход из положения: в предоперационной была повешена небольшая закамуфлированная икона.., и операции Войно-Ясенецкого возобновились.

Вернемся к судьбе двух девочек. Они были в конце концов оперированы, и Войно-Ясенецкий продемонстрировал их на заседании общества. Но и здесь не обошлось без курьеза.

Профессор выступал в рясе. При напряженном внимании аудитории он в обычной своей спокойной манере сделал доклад, начало которого несколько шокировало присутствующих, учитывая непростую политическую обстановку, сложившуюся в обществе после революции.

И. Кассирский  
Размышления о  
В. Ф. Войно-  
Ясенецком

<sup>3</sup> Т. е. в Туркестанской. — Ред.

В. Ф. Войно-Ясенецкий среди сотрудников и пациентов ташкентской больницы



ЧЕЛОВЕК 4/95



© В. Ф. Войно-Ясенецкий

## ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ



«Уважаемые товарищи! В комиссара Гельфгота вселился бес, и потому я вынужден был прекратить свою хирургическую деятельность. Это задержало на три месяца мое сообщение, которое я должен был сделать после второго этапа операции артропластики. Когда я получил возможность возобновить свою работу, я провел второй этап операции и сейчас имею честь представить вашему вниманию вполне удовлетворительные результаты предложенного мною метода лечения. Функции конечностей у девочек восстановились, они могут ходить. Это повлечет за собой восстановление активности мышечного аппарата ног».

\* \* \*

Его драматическая жизнь полна подлинной гражданственности, честного труда, выполнения долга врача, удивительных проявлений таланта в науке и практической хирургической деятельности, которая принесла тысячам людей исцеление от тяжелых болезней.

Я жил недалеко от Сергиевского собора, в котором служил архиепископ Лука... И мне приходилось каждый церковный праздник видеть, каким пietетом окружали верующие своего пастыря. Особенно красочны были вечерние зрелища, когда по окончании богослужения архиепископ в полном облачении и высоком клобуке, на котором сверкал крест, шествовал к себе домой, торжественно стуча посохом по тротуару. Это зрелище напоминало мотивы из жизни прежней Руси: глубокая, непроницаемая до почти сплошной черноты темень кривой Новой улицы, на которую падала узкая полоска света единственного — на целый квартал — фонаря, тихий перезвон колоколов, а по обеим сторонам улицы народ, в основном пожилые женщины во всем черном, повязанные платочками... Величественный Войно-Ясенецкий шествует медленно, торжественно, осеняет крестным знамением целующих его руку прихожан.

Вспоминается еще один эпизод, характеризующий человеческие качества Войно-Ясенецкого.

В хирургическом отделении работала медицинской сестрой молодая веселая Варя. Как-то один из сотрудников встретил ее во дворе с большой куклой, сшитой из разных тряпок, но вместо головы у куклы был шар из куска ваты, завернутого в материю.

— Что это такое, Варя?

— Да вот, завтра у моей племянницы день рождения, я ей сшила куклу. Но лица нарисовать не умею. Иду к Валентину Феликовичу, буду его просить, чтобы нарисовал лицо. Ведь он же расписал весь иконостас в нашей часовне.

— Варя, как вам не стыдно беспокоить Валентина Феликовича такими пустяками, вы же знаете, что он всегда занят сверх головы!

Но Варя заявила, что это такой пустяк, отнимет у Войно-Ясенецкого всего несколько минут. Из любопытства сотрудник пошел с Варей. Войно-Ясенецкий в своем кабинете писал историю болезни. Варя подошла к нему и молча положила куклу на письменный стол, рядом с историей болезни. Войно-Ясенецкий отложил ручку, поправил очки и с недоумением уставился на куклу.

— Варя, что это такое?

— Кукла, Валентин Феликович.

— Какая кукла? Ничего не понимаю!

Варя объяснила, в чем дело, она очень извиняется, но просит Валентина Феликовича нарисовать кукле лицо.

Войно-Ясенецкий молча взял куклу и с невозмутимой серьезностью стал рассматривать то место, где должно быть лицо. Затем молча отложил куклу и снова взялся за ручку.

— Хорошо, оставьте, вечером нарисую; завтра утром зайдете и возмете.

Обещание свое он выполнил.

\* \* \*

Одно из событий, произошедшее в 1929 г., буквально потрясло всю медицинскую общественность Ташкента. В газете «Правда Востока» появилась статья «Выстрел в мазанке». Статья поведала читателям об убийстве профессора-физиолога И. П. Михайловского, заведующего кафедрой Среднеазиатского университета, занимавшегося проблемой оживления организма.

Утром 5 августа 1929 года его нашли в пригородном охотничье домике с пристреленной головой... Будто были обнаружены какие-то улики, позволявшие предположить, что профессора убили. Но была и вторая версия: профессор застрелился, при этом не исключалась романтическая причина самоубийства. У него на кафедре часто видели студентку, экстравагантную брюнетку цыганского типа, которая была религиозной поклонницей<sup>4</sup> Войно-Ясенецкого. Вскоре она стала женой И. П. Михайловского.

Так как он считался верующим, родные (особенно жена) обратились к архиепископу Луке с просьбой разрешить похоронить его не как самоубийцу — за наружной оградой, — а на православном кладбище. Он такое разрешение дал, не оговорив в своей записке вопроса о судебно-медицинском вскрытии. Это послужило поводом для привлечения Войно-Ясенецкого к делу в качестве обвиняемого в... убийстве.

По схеме, созданной в следственных органах, события выглядели так: вот-де профессор-физиолог занимался глубокой и важной проблемой оживления организма, а церковники решили его убить, так как его работы подрывали основы религии. Нас, ученых, вызывали на допросы.

Вот в какой форме состоялся мой разговор со следователем.  
Я. — Что же такое произошло? Как погиб Михайловский?

Следователь. — А вы разве не знаете? Его убил Войно-Ясенецкий. Вы этого не допускаете?

Я. — Я этого абсолютно не допускаю...

Следователь. — Что же тут удивительного? Михайловский занимался проблемой оживления организма, а церковники решили его уничтожить, так как он вредил их учению. Разве это не логично?

Я. — Для Средних веков, может быть, логично. Но персонально для профессора Войно-Ясенецкого это совершенно исключается.

Следователь. — А почему тогда профессор разрешил погребение без вскрытия?

Я. — Он получил запрос на специальную тему — о соблюдении православного ритуала. Судебно-медицинская, патологоанатомическая сторона дела его не касалась. Как врач, он не сомневался, что она будет соблюдена.

В дальнейшем наш разговор расплылся в каких-то несерьезных «ответвлениях». Чувствовалось, что сам следователь не вполне серьезно относится к предложенной им версии, может быть, рассчитывал на мою «активность»; улыбался, шутил, вертел карандаш в руке... Наконец, отпустил меня.

К чести университетских наших коллег, которых привлекали к следствию, ни один из них не смалодушничал, не сказал неправды, все они характеризовали Войно-Ясенецкого как кристально честного, высоконравственно-го человека, прекрасного специалиста-хирурга.

Делу был дан «обратный ход», но нашлись люди, которые пытались создать вокруг этого события бессовестный сенсационный ажиотаж, нечто вроде детектива. Так, один бесталанный, но ловкий делец от литературы быстро состряпал роман «На грани», в котором отвергнутая версия была представлена как факт, а Войно-Ясенецкий — как средневековый «черный» монах, иезуит, мракобес, боровшийся против материалистической науки.

**И. Кассирский**  
Размышления о  
В. Ф. Войно-  
Ясенецком

<sup>4</sup> Так в тексте. Вероятно, автор имеет в виду экзальтированное обожание В. Ф. как архипастыря. — Ред.

◇◇◇◇◇

## ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ

◇◇◇◇◇

В 1923 и 1930 годах Войно-Ясенецкий был репрессирован за церковную деятельность. В 1938 г. сослан на Север, жил в селе Большая Бурта близ Красноярска. В 1943 году, будучи ссылочным, он был назначен главным хирургом-консультантом эвакогоспиталей, развернутых в Красноярске. Он весьма активно включился в работу, сутками не выходил из госпиталей, часами простоявал у операционного стола. Его часто приглашали на консультации в различные лечебные учреждения города.

В годы войны им была написана интересная монография «Поздние реекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». За эту работу, а также за фундаментальный труд «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкий был удостоен Сталинской премии I степени, в размере 200 000 рублей, из которых 130 000 рублей он пожертвовал сиротам — жертвам войны.

В 1944 году, после освобождения из ссылки, Войно-Ясенецкий назначен архиепископом Тамбовским и Мичуринским. С 1946 года до конца жизни он был архиепископом Симферопольским и Крымским.

Я видел его в последний раз в 1944 году в Москве, где он до отъезда в Тамбов пробыл немного времени, участвуя в церковных<sup>5</sup> совещаниях. Он оставался таким же, каким я знал и видел его раньше, с подкупающим сердечным отношением к людям.

Последнее время он болел расстройством кишечника, болезнь переносил без брюзжания; я предложил ему обследоваться в моей клинике. На следующий день Валентин Феликсович был мною осмотрен. Я предписал ему диету, в которую входили мясные блюда — паровые котлеты, фрикадельки. Он возразил, мотивируя тем, что должен соблюдать пост.

— Но Вы же больной.

После долгих моих уговоров он согласился испросить у Патриарха особое разрешение нарушить пост.

— Я полагаю, — предположил он, — Святейший пойдет навстречу медицинским предписаниям.

Больше я его не видел, но получал от него письма.

К 1954 году он практически ослеп — у него развилась не только катаракта, но и глаукома, и он вынужден был прекратить медицинскую деятельность. Он мог (и подолгу) слушать то, что ему читали, диктовал письма, научные работы. Умер Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий 11 июня 1961 года в возрасте 84 лет, проработав врачом 58 лет.

\* \* \*

Научная деятельность В. Ф. Войно-Ясенецкого может быть разделена на теоретическую (топографическая анатомия, хирургическая анатомия) и практическую (последняя проходила в земских и городских больницах, амбулаториях и госпиталях). Научная его деятельность была нерасторжимо связана с практической, — это необходимо отметить особо. На клинической модели гнойной хирургии он, как никто, утвердил за топографической анатомией право называться более точно: хирургическая анатомия.

В первом издании «Очерков гнойной хирургии» он называл себя хирургом-самоучкой. «Чрезвычайно тяжелый путь земского хирурга-самоучки, который мне пришлось пройти, — пишет он в предисловии, — научил меня многому». Он сетует, что в университете не получил никакой подготовки по диагностике и лечению гнойных процессов, которые встречаются весьма часто в повседневной практической работе хирурга.

Войно-Ясенецкий самостоятельно прокладывал новые пути в хирургии гнойных заболеваний, как врач-клиницист, мыслитель, смелый реформатор в новой области хирургии.

Его труд «Очерки гнойной хирургии» является капитальным, охваты-

<sup>5</sup> Видимо, речь идет о заседаниях Священного Синода. — Ред.

В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ

# ОЧЕРКИ ГНОЙНОЙ ХИРУРГИИ

МЕДГИЗ-1946

И. Кассирский  
Размышления о  
В. Ф. Войно-  
Ясенецком



**ВСПОМИНАЯ  
УШЕДШЕМ**



усиливает воздействие на читателей,— живые клинические образы, примеры из жизни: всего лучше достигают цели.

Я не ошибусь, если скажу, что подобной книги, оплодотворившей гнойную хирургию топографической анатомией, нет в мировой литературе. С большим педагогическим мастерством он впервые в таком объеме и систематической последовательности использует топографическую анатомию для создания учения о гнойной хирургии. В книге много описаний оригинальных методов лечения больных, разработанных автором. Этому труду, да и всей деятельности его автора, может быть предпослан тот девиз жизни, который с предельной, но волнующей простотой Войно-Ясенецкий начертал: «Для хирурга не должно быть „случая“, а только живой, страдающей человек».

Резюмируя, подчеркнем, что монография Войно-Ясенецкого — настоящая энциклопедия гнойной хирургии, в которой решаются на высоком научном уровне ее проблемы; она является классической.

Войно-Ясенецкий является автором одного из эффективных методов местной (регионарной) анестезии, который широко применяется в ряде областей клинической хирургии (особенно в гнойной, полостной, в стоматологии), будучи доступным для хирургов рациональным способом обезболивания операций.

Несомненно, в недалеком прошлом (в 40—50-е годы) в широкой рекламе метода местной анестезии по Вишневскому была допущена гиперболизация. Общее обезболивание подверглось «остракизму», и это было серьезным недостатком, тормозившим развитие анестезиологии. Мне приходилось видеть операции удаления долей легкого (лобэктомию), производимых под местной анестезией по Вишневскому, и у меня — неспециалиста — операция вызывала чувство внутреннего протesta. Ведь правильнее было прибегнуть к общему обезболиванию, которое уже тогда в Западной Европе и в США достигло высокого уровня. Да, мы из-за неоправданного монополизма местного обезболивания — метода, якобы шедшего в фарватере павловского нервизма, — многое упустили в развитии новой науки — анестезиологии.

В настоящее время в нашей стране анестезиология занимает достойное место в хирургии. И все же местное обезболивание по Вишневскому и регионарная анестезия до сих пор сохраняют ценность в поликлинической хирургии, причем разработанная Войно-Ясенецким регионарная анестезия, по моему глубокому убеждению, — более приемлемый метод местного обезболивания.

Валентин Феликович прекрасно понимал значение для хирургии регионарной анестезии. В предисловии к своей диссертации он пишет: «Во многих отношениях трудна деятельность... земского врача, и особенно трудно начинать ее врачу, имеющему склонность к хирургии, но не получившему специальной подготовки к ней и предоставленному только своим силам и помощи книг. В таком положении земского хирурга-самоучки пришлось быть и мне, и с особенной остротой переживались в первые годы трудности и опасность, связанные с введением наркоза при неопытных помощниках и отсутствии собственного опыта в нем. Как сейчас помню первую тяжкую асфиксцию, которую мне пришлось пережить... При таких условиях естественно возник интерес к местной анестезии, дававшей возможность сосредоточить все внимание на операции и избавлявшей от многих треволнений».

Монография В. Ф. Войно-Ясенецкого «Регионарная анестезия» высоко оценена в широких кругах хирургов как крупное событие, она была первой в России работой по этой проблеме. После выхода в свет книги Войно-Ясенецкого разработанный им способ обезболивания получил распространение в стране, причем, в основном его стали применять провинциальные и земские хирурги, — что вполне естественно, если учесть специфику хирургической работы в земствах и в малых городах. Не случайно Войно-Ясенецкий писал: «Вероятно, каждому земскому хирургу, как и мне, неоднократно приходилось оставлять работу в брюшной поло-

сти, чтобы раздвинуть челюсти больному или вытянуть запавший язык. Такой наркоз заменить безопасной регионарной анестезией в высшей степени важно, ибо он часто несравненно опаснее самой операции».

\* \* \*

Итак, каков же общий итог, вытекающий из размышлений о жизни и деятельности В. Ф. Войно-Ясенецкого — хирурга и священника?

Жизнь нашего героя во всем ее объеме, сложности и противоречиях — чрезвычайно поучительна. При однозначной и безусловно высокой ее оценке она вызывает немало недоуменных вопросов, вызванных его религиозной деятельностью, из-за чего властями ему было причинено немало горя.

Я стремился, в меру своих сил, на эти вопросы ответить.

Публикацию подготовили:

кандидат медицинских наук

Р. И. ВОРОБЬЕВ;

доктор медицинских наук, профессор

Г. И. КАССИРСКИЙ

## Больше демократии, большие сроков

Зато огромную роль в исправлении нравов преступников отводили «общине» — по большей части, соседскому сообществу: по степени святости «община» в Америке занимает место нашего покойного трудового коллектива. Вот и преступников отдавали на поруки общины, а графства, где удалось снизить число посадок (не преступлений, а именно посадок) ниже определенного, установленного властями уровня, — эти графства особо премировались властями штатов. Преступность же между тем росла себе и росла.

Но вечно расти не может даже преступность и даже в исключительно благоприятной среде. И вот она стабилизировалась. А тем временем американцы вспомнили о своих исконных ценностях, которые, в частности, предполагают, что за все, что делаешь ты, и за то, что делается с тобой, отвечаешь ты сам. Ни бог, ни царь и ни герой. И отвечаешь не только вообще, но и по всей строгости.

А средства массовой информации в Америке устроены так, что быстро доносят нехитрые мысли до обывателя как его, обывателя, самое главное убеждение. А судебное и политическое сообщество в Америке (в отличие от Германии) устроено так, что вынуждено чутко реагировать на все смены общественного настроения. А сообщество академическое устроено вообще так, что вынуждено оперативно реагировать на смену не только общественного настроения, но и настроения сообщества политического, судебного и т. п., откуда исходят гранты на исследования.

И вот с 1980 по 1984 г. число з/к<sup>1</sup> на 100 000 населения выросло на 50 единиц (голов?) без всякого воздействия на преступность, которая и так стала стабилизироваться, но не желала снижаться; с 1985 по 1989 — еще на 50 с тем же результатом (точнее, без тех же результатов); в следующие 5 лет — еще на 50, но уже с результатами весьма плачевными для экономики, бюджета, инфраструктуры.

А в Германии все сообщество компактнее, автономнее, элиты интегрированы гораздо теснее и гораздо меньше зависят от «толпы», так что гуманистические ценности, попираемые в США грубой стопой демократии, там живут гораздо дольше. Преступности, как известно из литературы, не любят и там, но крайностей не любят еще больше.

Так что демократические сроки — они, оказывается, самые крутые.

**И. Кассирский**  
Размышления о  
В. Ф. Войно-  
Ясенецком

<sup>1</sup> з/к — «заключенный каналоармеец» — официальная аббревиатура для обитателей лагерей и мест заключения в бывш. СССР.  
J. J. Savelberg.  
Knowledge, domination and criminal punishment. American Journal of Sociology, 1994 # 4, p. 911-943.